

— Я всего лишь немного задержался на работе...

— Задержался настолько, что притащил домой апостола Близнецов Диссонанса?

Сказав это, Моисей замолчал — и Линь тоже.

Спустя несколько мгновений юный тёмный бог с неопишным выражением спросил:

— Учитель Моисей, тебе не кажется, что наш разговор сейчас какой-то... неправильный? Будто муж, прикрываясь переработками, тайком сходил на свидание, а по возвращении был застукан женой...

Моисей уставился на него, скрипя зубами:

— Жена? Ха! Да я больше похож на родителя, поймавшего несовершеннолетнюю дочку на ранних романах, не?

После этой фразы и Моисей, и Линь одновременно побледнели.

«Ранние романы? С кем? Какой ужас!»

— Какая дочка, я вообще-то полноценный мужчина! — мгновенно отозвался Линь. — На самом деле я сегодня столкнулся с людьми из культа Искажения. Пошёл помогать с допросом, вот и задержался. Верховный инквизитор увидел, что мне тяжело тащить Пятнулю и Хвостик, поэтому по доброте проводил нас, ему было по пути. Но... кажется, он что-то понял по поводу Снежноцапки. Возможно, это «по пути» было вовсе не по пути, а чтобы уточнить у меня кое-что...

Чем дальше Линь говорил, тем глубже погружался в мысли.

Потому что он всё яснее понимал: верховный инквизитор действительно пошёл провожать его из-за Снежноцапки.

Даже если не разбирать, где именно он прокололся... Неужели сам факт существования смешанной демонической крови так привлёк внимание Фельдграу Дуофюра?

Погружённый в размышления Линь не заметил, что Моисей смотрит на него с новым подозрением.

— Не может быть... — пробормотал русал, наблюдая, как мысли Линя утекают в сторону Снежноцапки. Убедившись, что парень не думает ни о чём ещё более жутком, он чуть

расслабился... но только чуть-чуть.

— Не упоминай больше этого поганого типа, — резко прервал он Линя. — Апостолы Близнецов Диссонанса, как и сам Близнецы, в итоге скатываются в безумие. Хранить — и не защитить. Убивать — и не добиться результата. Сомневаться — и уже не иметь возможности остановиться. И бог, и его путники вечно застревают в этом диссонансе. Подходить к ним близко — себе дороже.

— Это слишком категорично, учитель Моисей, — не выдержал Линь. — Даже если они погружаются в противоречия, боль и безумие, когда они снова нужны — они выходят и защищают людей. По-моему, это достойно уважения.

Моисей:

— ...

Моисей:

— О? Значит, хочешь взять с них пример?

— Это не так, учитель Моисей, — Линь покачал головой. — Когда я шёл поступать в школу Инквизиции, мы дома обсуждали: если не поступлю — останусь никем. Если поступлю и стану инквизитором — придётся принять и реальность: инквизиторы гибнут очень часто. Но иначе никак. Это единственный путь быстро подняться в обществе и получать хороший доход. Для...

«Для переселенца из земной цивилизации» — но Линь этого не сказал.

— Для бедного бродяжки есть только путь преступных группировок: таскать контрабанду по краю грибного леса, рискуя умереть. Я не хотел этого. Денег для торговли у меня нет, учиться ремеслу — нужны связи и время. Шесть Столпов не берут чужих. Оставалась только ритуальная кафедра и должность инквизитора. Она давала всё, что мне нужно.

Тогда Линь ещё готовился к экзаменам за среднюю школу; кроме учёбы он ничего не умел.

— Эта работа дала мне слишком много. Значит, я должен принимать не только плюсы, но и минусы — даже если минус в том, что можно умереть в любой момент. Раз уж я получаю деньги — я должен выполнять обязанности. Но — защищать человечество? Город? У меня нет таких больших идеалов. А вот такие люди, как верховный инквизитор, которые не говорят о защите, а действительно защищают — вызывают у меня искреннее уважение...

— Стоп, — снова перебил Моисей. — Я сказал — не упоминай его.

— ...Учитель Моисей, ты сегодня какой-то странный, — Линь нахмурился. — Что-то случилось?

— Ничего. Я сейчас совершенно искренне зол. Потому что ненавижу Шесть Столпов и их апостолов, — русал произнёс это очень серьёзно. — Ваше высочество, надеюсь, вы как следует подумаете. Чем больше вы контактируете с этим дуофюрским птицелюдом, тем хуже — и вам, и ему.

Линь заметил, насколько сурово это было сказано.

Он помолчал, а затем тихо вздохнул:

— Хорошо. Я постараюсь избегать верховного инквизитора.

***

Потом он вышел из комнаты, успокоил Ректиха, который заметил странность в его поведении, проведаль Парайбу, умылся — и лишь тогда вернулся к себе.

Улёгшись, он в образе Ока Зазеркалья вошёл в тьму по ту сторону зеркала.

Моисей, как настоящий священник, начал докладывать новости маленького, ещё даже не названного, культа.

Хотя в культе было всего четыре существа. Нет, два — плюс один святой дух; а богов в состав культа не включают. Точно так же, как культ Искажения принадлежит Деве Серебряной Луны, а не наоборот.

— С обеих сторон — тупик, — доложил Моисей. — Твоя насильно втянутая в веру «родственница», при этом так и не обратившаяся, всё ещё болтается на подлодке. Когда я уходил, они уже обсуждали, не зажечь ли вторую кислородную свечу.

— Серьёзно? Когда я давал им направление, это был мой первый опыт — я искал ближайший сильный человеческий мыслительный сигнал, — Линь схватился за голову. — Вернувшись и посмотрев на карту, я заподозрил, что указал им дорогу к подводному гроту тёмных богов — Пещере Тёмного Моря. Но припасы на лодке не позволяют им искать новое место высадки... Но ведь это даже хуже, чем угодить прямо в логово культа Искажения! Они что, до сих пор не нашли ни единого следа цивилизации?!

— Расы, не являющиеся русалами, если хотят выжить в море, могут полагаться только на удачу, — оценил Моисей. — Похоже, этой подлодке не повезло. Или, точнее, троим людям на ней.

— Да, невезуха, — Линь вынужден был согласиться.

Но раз у них ещё осталось две неиспользованные кислородные свечи, значит, у них имелся шанс продолжить играть с судьбой.

Пока они не дошли до настоящего тупика, Линь, кроме как переживать, помочь ничем не мог.

— А ещё твоя маленькая пёсолюдка, переполненная жаждой убийства, — Моисей, который сегодня заходил не только к Снежноцапке, продолжил: — снова подверглась домогательствам того оленелюда. Впрочем, в этот раз рядом была её подруга, взявшая отпуск. Кто-то её успокоил, так что она, думаю, не станет снова спрашивать, можно ли ей просто взять и убить его.

Линь:

— ...Ха-ха.

— Невольно принятая в веру, да ещё и не истинно обращённая... И маленькая собачка, набитая убийственными мыслями... — казалось, за несколько дней Моисей стал ещё язвительнее.

— Тот оленелюд... Радоцвет Сикадир, верно? — спросил Линь. — Наверное, Инквизиция Альманвиля уже установила за ним открытое и скрытое наблюдение. Возможно, даже распространила слухи о его возможной связи с тёмным богом. Прошло два дня — и они всё ещё не поймали его на чём-нибудь?

— Вернее сказать «ещё не взяли оленя за рога», — заметил Моисей и отмахнулся. — Нет. Этот оленелюд пока не проявил ничего подозрительного. Они даже привели высокоуровневого служителя и попытались придавить его силой — он ведёт себя как обычный человек.

«Инквизиция Альманвиля работает как-то слабо, — подумал Линь. — Будь там наш верховный инквизитор из Шпиневиля — результат точно был бы другим».

Конечно, вслух, особенно при Моисее, говорить такое не стоило. Поэтому Линь сделался невинным и сказал:

— Может, мы сами немного поможем Инквизиции Альманвиля?

За последнее время у Линя сформировалась собственная методика по выявлению скрытых

культистов.

Ему просто нужно было одним глазом взглянуть на этого Радоцвета Сикадира.

Но придётся ждать, пока Кристабель снова не столкнётся с ним. Линь обсудил с Моисеем ситуацию с двумя «верующими» и перешёл к уроку.

Темой занятия являлось «значение верующих и веры для бога».

— Бог — это дерево. Поэтому незрелых богов называют семенами. А раз они — семена, то вера — это роса, — объяснял Моисей. — Роса — это влага. Но вы, ваше высочество, будучи столь юным, возможно, не до конца понимаете, что значит вода для растений... и вообще для жизни. И растения, и люди по большей части состоят из воды. Но влага проходит сквозь них: входит, выходит, возвращается в мир и вновь вступает в круговорот.

Линь кивнул — биологию он помнил. 99% воды, которую поглощало растение, потом испарялось в воздух.

Но вера — вещь нематериальная. Она же не могла испаряться из бога куда-нибудь?

— А вера, — пояснил Моисей, — проходит через бога и входит в его божественное царство.

— А-а, — Линь кивнул, затем по-простецки спросил: — Так я... тоже имею такое?

Моисей закатил глаза.

Распахнув руки, он показал вокруг:

— Ваше высочество, как вы думаете, где мы сейчас находимся?

«А».

Это сон, который Линь видел с момента своего переселения.

Вечная тьма. Мерцающие, мелькающие зеркала. Лучи света, проникающие сквозь них.

Оказывается, это был не сон. Он всё время неосознанно возвращался в собственное царство.

— Раньше ты почти не мог пользоваться своим царством, — сказал Моисей. — Но, когда первая верующая принесла тебе веру, ты зажёл зеркала вокруг себя и неё. С этого момента ты начал

управлять своим божественным царством и пользоваться божественной властью. Когда у тебя будет больше верующих, те зеркала, что пока скрыты тьмой, тоже загорятся. День, когда загорятся все зеркала, станет твоим совершеннолетием как бога.

— Все зеркала? — задумался Линь. — Если одно зеркало — один человек, выходит... все должны верить в меня?

— Как бы не так, — Моисей ткнул указкой в ближайшее зеркало. — Достаточно, чтобы большинство людей в мире знали твоё божественное имя.

«Фух, так легче».

Теперь Линь понял, почему культисты всегда провоцируют теракты — они помогают тёмному богу распространять славу.

— Раз вы поняли, то занимайтесь делом — распространяйте веру, ваше высочество, — Моисей тяжело вздохнул. — Даже если верующие — «по блату», их всё равно надо... дисциплинировать...

— Погоди.

Линь поднял руку.

Он прислушался.

— Кто-то, с кем я раньше не был связан, сейчас обращается ко мне с молитвой.

<http://bllate.org/book/12612/1120011>